

определенным углом зрения, Р. Амайон заключает этим выводом вторую часть книги и переходит к конкретному анализу брачных и родственных связей, которым соответственно посвящены третья и четвертая части — «Логика брака» и «Логика родства».

По тем же законам, по которым заключаются браки в обществе, совершается и символический брак шамана с духом женского пола. При этом всегда надо иметь в виду, что шаман — символ охотника, а дух — символ охотничьей добычи. В мире сверхъестественного складывается та же сеть отношений, что и в реальном мире, те и другие как бы усиливают, укрепляют и помогают лучше понять друг друга или, по выражению автора, увеличивается их ценность более чем в одной области и более чем в одном регистре. Уместно напомнить здесь, что исследовательница не отказывается от многих укоренившихся представлений о шамане, которые и до сих пор вызывают дискуссии. Она подробно не обсуждает спорные вопросы, а показывает, что в предлагаемой ею концепции они могут занять свое место и получить соответствующее толкование. Нет необходимости, например, вдаваться в особенности психической организации или физических недостатков шамана, которыми пытались объяснить его поведение во время камлания. Надо иметь в виду, что шаман приспосабливается к своей супруге, имеющей животный облик, но по своей сущности являющейся духом. Тогда понятнее становятся и его повадки животного, и его костюм и головной убор, и все особенности его ритуального поведения, которое достигает своей кульминации в так называемых безумных выкриках, в нарочитой демонстрации некой дикости. С точки зрения любовных отношений с существом из сверхъестественного мира, выступающим в образе животного, следует объяснять некоторые черты его ритуального поведения, обычно воспринимаемые как эротические или истерические.

Традиции эпических сказаний общества охотничьего типа сохраняются и в эпических произведениях общества скотоводов, но к ним добавляются традиции, рожденные новыми отношениями, конкретно-родственными связями или связями по филиации. О них идет речь в последней, четвертой части книги, где подробно показывается, каким образом к существующим брачным связям по горизонтали присоединяются и приобретают большее значение родственные связи по вертикали, т. е. связи с предками, основателями рода, поддерживающими ныне живущих, придающими их жизненную силу. И если, согласно матримонильной логике, организуется система отношений с миром иных существ в пространстве, то, согласно логике филиальных связей, организуется система связей с себе подобными по вертикали.

Символы, аналогии, метафоры — ими насыщена вся книга, по ним строятся отношения в мире реальном и мире сверхъестественном. Существа из мира природы, общества и мира сверхъестественного уподобляются друг другу, ассоциируются, замещают друг друга. В постоянном обмане, циркуляции между реальным и метафорическим функционирует и система шаманизма. В свете этого само название книги Р. Амайон — «Охота за душой» следует воспринимать как развернутую метафору со множеством значений, подразумевающих реальную охоту и удачный брачный союз, реальную невесту и охотничью добычу, символический брак шамана и нематериальную субстанцию сверхъестественного мира — душу и «жену», добыв которую, шаман может исполнять свои функции. «Охота за душой», таким образом, символизирует в целом шаманское действие, шаманизм — глобальную систему, пронизывающую всю жизнь традиционного бурятского общества, так же как и других народов Сибири, Монголии.

Таковы в сжатом, конспективном и, по необходимости, упрощенном виде основные идеи книги Р. Амайон «Охота за душой». Специалисты по этнологии и эпическому творчеству монгольских и сибирских народов найдут в ней обширный конкретный материал с оригинальной интерпретацией многих известных фактов, в том числе почерпнутых из трудов отечественных ученых. Эта книга, по моему мнению, интересна прежде всего новым освещением в большинстве своем известного материала. В ней, конечно, немало и новых фактов, в частности полевых данных, но он растворяется в общей массе громадного по масштабу и разнообразию материала, которым автор оперирует. Способность методично и целенаправленно организовывать множество фактов таким образом, чтобы они, не теряя своей оригинальности, убедительно подтверждали предложенную концепцию, мне кажется особенно ценной в книге. Сейчас стало почти общим местом говорить о системном подходе к изучению явлений, в том числе и в изучении шаманизма, но мало кому удается показать его в действии. Автору книги «Охота за душой» это удалось. Тем самым определен новый уровень шаманистических исследований. Существуют, с моей точки зрения, ряд исследований по духовному творчеству, в том числе и по шаманизму, которые по глубине вживания в материал и силе обобщения остаются высочайшими образцами взлета научной мысли, неподвластными времени. Таковыми для меня являются, например, книги С. М. Широкогорова, В. Г. Богораза, В. Я. Проппа. В этот же ряд я бы поставила и поистине фундаментальное исследование А. Амайон «Охота за душой».

Е. В. Ревуненкова

© 1994 г., ЭО, № 1

J. R. Parsons, M. H. Parsons. Maguey Utilization in Highland Central Mexico. Ann Arbor (Mich.), 1990. 388 p.

Рецензируемая работа «Использование агавы на Центральном Мексиканском нагорье» вышла в столь примечательной серии, как «Археологическая этнография», а ее содержание имеет прямое отношение к истории земледелия в Центральной Мексике. Для всякого, кто хоть немного знаком с традиционными культурами данного региона, известно, какую огромную роль в судьбе земледельческих цивилизаций здесь играла кукуруза (маис), этот «хлеб» древней Америки. В качестве важнейшей

дополнения к кукурузе всегда упоминается и агава, использование которой в экономике, по крайней мере в доиспанский период, дает удивительный пример практически безотходной технологии.

В рецензируемом исследовании скрупулезно прослеживается путь агавы от саженца (или рассады) до появления взрослого растения и затем получения из нее конечного продукта. Делается это путем сопоставления этнографических и археологических данных, собранных как предшественниками авторов рецензируемой работы, так и более ранними исследователями. Более того, привлекаются сведения, содержащиеся в исторических источниках индейских (имеются в виду прежде всего пиктографические рукописи и просто индейские рисунки, так или иначе воспроизводящие сюжеты, касающиеся затрагиваемой темы) и раннеколонизаторских авторов, главным образом XVI в., среди которых прежде всего известны каждому американисту сочинения Т. Мотолини, Д. Дурана, Б. Саагуна, кстати, обильно здесь цитируемые.

Надо отметить, что одна из первых специальных работ об использовании агавы в англоязычной литературе появилась более 80 лет назад. С тех пор, однако, выявлены более свежие этнографические данные и получена новая археологическая информация, в том числе собранная персонально авторами рассматриваемой книги, которые необходимо ввести в научный оборот в целях наиболее полного освещения истории древних культур Мексики и Центральной Америки вообще.

Авторы ставили задачу на основе новых данных (особенно археологических, поскольку являются профессиональными археологами) проанализировать условия и обстоятельства распространения агавы в более высокогорные, сухие и холодные районы, а с ней вместе и расширение сферы культурного влияния месоамериканской цивилизации в целом. Оговорен и основной район исследования — Мексиканское нагорье, конкретнее, район Мескиталь в южном Идалго, населенный индейским народом отоми. Установлено, что хотя влияние европейской материальной культуры здесь несомненно, тем не менее некоторые основные черты доиспанской технологии выращивания, обработки и использования агавы в соответствии с данными исторической этнографии выявляются достаточно отчетливо.

Авторы дают самые необходимые общие сведения об агаве, отмечая жизнестойкость этого растения: оно способно выжить в экстремальных условиях, например в сухом и холодном климате, на высоте до 3000 м над уровнем моря, т. е. там, где хлопок уже расти не может. Агава распространена на территории Америки от юга США до Коста-Рики, размножается как вегетативно, так и с помощью семян, наконец, имеет множество сортов. Кстати, авторы неточно определяют число сортов цифрой 197, в то время как на самом деле, по данным ботаников, их насчитывается более 300. Растение использовалось в доиспанский период многообразно: сок и мякоть его мясистых листьев шли в пищу и применялись в медицинских целях, волокнистая часть — на изготовление грубых тканей и веревок, наконец, сухие листья и корни употреблялись как топливо.

Работа, состоящая из пяти глав, дополнена почти двумя сотнями иллюстраций, запечатлевших мельчайшие детали процессов работы с агавой в наши дни, инструментарий, необходимый для этого, как найденный в результате раскопок, так и сделанный в наши дни.

Авторы обращают внимание на доместикацию агавы. Это очень важно, так как хотя имеется достаточно сведений об использовании агавы, до недавнего времени о процессе ее доместикации, проникновении этого растения в хозяйства древних культур Мексики было известно мало. Между тем, согласно археологическим данным, полезные свойства агавы использовались еще доземледельческим населением Мексиканского нагорья несколько тысяч лет назад, а также культурами так называемого формативного периода (по хронологии, используемой авторами, 1200—250 гг. до н. э.). Кстати, такая периодизация не является общепринятой, однако в упрек им это поставить нельзя, ибо вопрос о периодизации до сих пор не решен окончательно. К этому следует добавить, что археологические данные подтверждают, что в это же время и за пределами территории современной Мексики, в юго-западных районах нынешних США употребляли агаву в пищу и в технических целях. Тем не менее, на взгляд авторов рецензируемой работы, можно говорить лишь о дикорастущей агаве, и только в Классический период (150—750 гг.), началось выращивание окультуренного вида этого растения. Именно в это время, как говорится в книге, стало возможным распространение этого окультуренного, более жизнестойкого вида агавы в сухие и холодные районы горной Мексики. Возможно, как предполагают авторы, сейчас среди возделываемых сортов агавы есть и те, что были окультурены в давние времена.

Для обоснования указанных выше процессов привлекаются археологические данные, которые свидетельствуют о том, что освоение агавы, включение ее в хозяйственную деятельность на Центральном Мексиканском нагорье происходило скачками, видимо, вследствие изменений в орудиях труда и технологии использования агавы. Анализируя известные им данные, авторы отмечают, что первые существенные изменения происходят в самом начале Постклассического периода, т. е. после середины XIII в. н. э., когда отмечается увеличение числа керамических круглых деталей веретен весом от 11 до 75 г, хотя преобладают детали веретен весом от 11 до 30 г. Исследователи полагают, что это связано с усилением роли ткачества в культурах доколумбовой Центральной Мексики, к числу которых принадлежат тольтекская, ацтекская и некоторые другие. Правда, остается открытым вопрос, какие из этих деталей использовались в хлопкопрядении, а какие при работе с грубыми нитями агавы. Второе важное технологическое изменение, правда трудно выявляемое, касается изменения характера орудий, использовавшихся для извлечения волокнистой части структуры агавы. Сравнение таких орудий, обнаруженных в разных археологических слоях, позволяет с известной долей вероятности заключить, что несколько примитивные, не специализированные по назначению каменные скребки Классического (150—750 гг.) и Постклассического периодов (750 г.—конец XV в.) заменяются специализированными трапециевидной формы скребками из базальта и обсидиана. Возможно, что в это время также происходит и смена технологии извлечения волокнистой структуры из мякоти листа агавы, а именно, вместо процедуры извлечения ее из сырого листа, начал применяться более эффективный способ — извле-

чение волокон из размягченного (в том числе под влиянием тепла) листа. Наконец, третье основное изменение, произошедшее также в Классический период, касается появления дисковидных каменных скребков с рукоятью. Именно с помощью последних в нужном месте листа агавы делали надрез и затем собирали постепенно скапливающийся сок. Эта технология считается более прогрессивной, и сок получается более качественным. При другом способе листья размельчали, давили в специальном корыте, собирая затем выделившийся сок; этот прием, кстати, используется и в наши дни: этнографически он зафиксирован в районе Тарахумара (см. гл. 5). Полученный сок, а также его последующее хранение и переработка в сироп, сахар и легкий алкогольный напиток пульке требовали много воды, поэтому нужны были специальные сосуды. Анализируя пиктографические изображения, так или иначе связанные с тематикой исследования, авторы высказывают предположение, что сосуды эти были керамические, однако форма их неизвестна. Все эти данные приводят к мысли, что увеличение объемов извлеченного сока косвенно свидетельствует об активизации процесса урбанизации в Классической и Постклассический периоды, ибо сок агавы плохо поддается хранению и, таким образом, весь получаемый его объем (часто немалый) должен был сразу становиться объектом потребления. Из этого следует, что агаву ради сока обычно выращивали недалеко от поселений, хотя волокно для обработки могли доставлять на большие расстояния.

Важнейший вывод авторов рецензируемой работы заключается в том, что использование агавы сделало возможным в Классический период распространение влияния месоамериканской цивилизации на север Центральной Мексики, а позже (в Постклассический период) стало одной из причин и условий формирования тех высоких древних культур, с которыми встретились в Мексике первые европейцы. Справедлив ли такой вывод? В известной степени, поскольку на самом деле, как уже отмечалось, агава занимала видное место в традиционной экономике большинства культур древней Мексики. Проследить это можно, сравнив показатели калорийности маиса и агавы. Согласно современным научным измерениям, маис и агавы, растущие на неполивных землях, т. е. в условиях не слишком благоприятных, дают продукцию приблизительно одинаковой калорийности. Это означает, что маис и агавы как бы играли одинаково важную роль в древней экономике и хозяйстве. Есть, однако, и несколько другие показатели, которые, по мнению автора рецензии, переводят оценку роли агавы на более реальную почву. Так, объем получаемого сока был не столь значительным, как может показаться на первый взгляд, и ограничивался физиологическими свойствами агавы. Например, по современным данным, которые приводятся самими авторами рецензируемой книги (см. гл. 4), на плантации в среднем на одно «работающее» растение (т. е. дающее сок в каждый данный момент) приходится 30—50 «неработающих», а это значит, что первые составляют только около 5% от всех насаждений. В итоге с 1 га плантации агавы получают всего около 13,3 л сока в день (в год это дает 4855 л с 1 га, хотя возможно на некоторых участках увеличение и до 9500 л). К этому следует добавить, что растение дает сок только на 6—8-й год роста, ну а волокно составляет всего около 2,5% веса листа агавы.

По нашему мнению, все эти данные, хотя и говорят о важности агавы, вместе с тем не позволяют слишком уж переоценивать ее роль. Между тем такая переоценка чувствуется в рецензируемой работе, тогда как агавы не является, как маис (значение которого действительно огромно в становлении и развитии древних традиционных культур доколумбовой Америки и Мексики), универсальным продуктом питания и не может в этом смысле считаться незаменимым.

В представленной рецензии затронуты наиболее существенные и объемные по содержанию части работы Дж. Парсона и М. Парсона. Между тем в ней содержится и другая информация, которая может быть любопытна для специалистов, занимающихся историей материальной культуры, а также проблемами истории и экономики Мексики колониального и послеколониального периодов вплоть до наших дней; особенно это касается любопытных статистических данных. Авторами составлены и приведены в работе многочисленные схемы, таблицы, карты и др. материалы, представляющие в некотором смысле самостоятельный интерес.

Высоко оценивая работу, хочется подчеркнуть ее добротность и высокий научный уровень. Она принадлежит исследователям, предыдущие работы которых хорошо известны американцам, особенно тем, кто занимается изучением древних культур Мексики.

В. Е. Баглай